

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 479–483

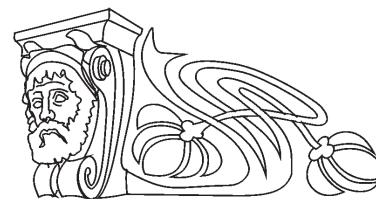
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 479–483

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-479-483>

Научная статья
УДК 32+303

Активизация ресурса исторической памяти в современной политике

Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Аннотация. Публикация содержит анализ причин, по которым в современной внешней и внутренней политике многих стран, включая и Россию, начинает активно использоваться ресурс исторической памяти гражданских обществ и властных элит. В публикации дана характеристика позитивных последствий такого построения политических мотиваций, а также рисков, связанных с ослаблением влияния идеологий на политические процессы. С точки зрения автора, интерес субъектов современной политики к использованию ресурса исторической памяти обусловлен недоверием граждан и элит к мотивационному потенциалу идеологий, растущим в современном мире и в России. Он обусловлен также стремлением нарастить «человеческий капитал» демократической политики и зарезервировать за национальным государством преимущества в контроле над политикой реализации национальных интересов. Вместе с тем, утверждает автор, активная мотивация политики, равно внутренней и внешней, доводами исторической памяти способна породить сегодня не меньшие риски для ее прогресса, чем те, которые были порождены господством в ней «классических» идеологий.

Ключевые слова: историческая память, кризис современных идеологий, политические риски

Для цитирования: Шестов Н. И. Активизация ресурса исторической памяти в современной политике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 479–483. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-479-483>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Activation of the historical memory resource in modern politics

N. I. Shestov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Niikolay I. Shestov, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Abstract. The article contains analysis of the reasons why the resource of the historical memory of civil societies and power elites is beginning to be actively used in the modern foreign and domestic policy of many countries, including Russia. The article describes the positive consequences of such a construction of political motivations, as well as the risks associated with the weakening of the influence of ideologies on political processes. From the author's point of view, the interest of the subjects of modern politics in using the resource of historical memory is due to the distrust of citizens and elites to the motivational potential of ideologies growing in the modern world and in Russia. It is also caused by the desire to increase the "human capital" of democratic politics and reserve advantages for the national state in controlling the policy of implementing national interests. At the same time, the author argues, the active motivation of politics, both internal and external, by the arguments of historical memory can generate no less risks for its progress today than those that were generated by the dominance of "classical" ideologies in it.

Keywords: historical memory, crisis of modern ideologies, political risks

For citation: Shestov N. I. Activation of the historical memory resource in modern politics. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 479–483 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-479-483>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В политике историческая память всегда была и остается важным фактором, определяющим характер политических интересов и решений. С началом нового тысячелетия в мире политики обнаружилась тенденция к росту значимости этого фактора. Во внутренней и внешней поли-

тике многих современных государств отсылки к исторической памяти, публичные апелляции государственных и общественных деятелей к прежним несогласиям с соседями и обидам на них, к воспоминаниям о былых достижениях и просчетах предков стали значить порой больше,

чем соображения практической целесообразности и выгоды. Один из последних примеров этой тенденции – конфликт между Литвой и Белоруссией, обострившийся после ареста белорусскими силовиками одного из лидеров белорусской оппозиции, Романа Протасевича, в момент его перелета в Литву через территорию Белоруссии. На официальные дипломатические демарши литовской стороны в связи с этой акцией белорусские власти ответили так, чтобы, как, вероятно, они это себе представляли, раз и на всегда закрыть эту тему. Они обратились в международный Гаагский трибунал с требованием судебного разбирательства на предмет признания германских оккупантов и их пособников из числа украинских, литовских и прочих европейских националистов виновниками массовых убийств жителей Белоруссии в период Великой Отечественной войны. А сами убийства признать не просто военными преступлениями, а спланированным геноцидом белорусского народа¹. На эту юридическую инициативу литовские власти отреагировали тоже очень по-современному: глава внешнеполитического ведомства Габриэлюс Ландсбергис публично обвинил белорусскую сторону в злонамеренном «политизировании болезненных вопросов истории»². Он деликатно умолчал при этом, что все последние годы именно на «политизировании болезненных вопросов истории» (советской истории, в первую очередь) строится вся стратегия коммуникации Литвы и других восточноевропейских государств с Россией.

В русле полемики по разным сюжетам средневековой, новой и новейшей истории весь постсоветский период развиваются российско-польские отношения. Недавно в очередной раз прозвучало заявление, его озвучил лидер правящей в Польше партии «Право и справедливость» Ярослав Качиньский, что «Гитлер и Сталин с помощью своего пакта поделили Польшу и напали на нее». На это российская сторона ответила публикацией в СМИ целой серии документально подкрепленных исторических экскурсов в прошлое отношений двух государств. Документы демонстрировали, как в период между двумя мировыми войнами участие военных и политических элит Польши в антисоветских интригах и антироссийских пропагандистских войнах, которые инициировали «западные» доброжелатели, довели поляков до утраты суверенной государственности³.

Ту же картину можно наблюдать сегодня в российско-британских отношениях. Британские политики и общественные деятели часто высказывают в последние несколько лет претензии в адрес российского руководства, что оно следует худшим традициям репрессивного управления своей страной, а в отношениях с другими государствами и их гражданами использует «антигуманные» и «неприемлемые» средства, вплоть до

физического насилия. Ответом на эти высказывания стало придание огласке посредством российских СМИ обстоятельства преднамеренного потопления британской авиацией 3 мая 1945 г. в Любекской бухте двух германских транспортов. На них эсесовцы пытались вывезти на еще подконтрольную им территорию Рейха тысячи военнопленных-рабочих из концентрационных лагерей. Притом что большинство заключенных, убитых британскими летчиками, были гражданами стран-союзниц Британии по антигитлеровской коалиции и никакой угрозы для британцев не представляли⁴. Были также опубликованы документы, подтверждающие факты жестокого обращения британских оккупационных властей с советскими гражданами, оказавшимися на подконтрольной британцам территории Германии⁵.

Третья мировая (информационная) война, считают специалисты по информационным и политическим коммуникациям, уже идет полным ходом⁶. «Войны памяти» представляют собой одно из наиболее важных и заметных проявлений этой войны. Можно сказать, что они являются тем оружием массового поражения, при помощи которого противоборствующие стороны стремятся нанести друг другу максимальный, а в некоторых случаях и невозможный урон. На воспоминания о прошлом, как аргумент для текущих политических решений, ориентируются националисты, религиозные фундаменталисты, борцы за незыблемость устоев либеральной демократии и их критики из числа социалистов и консерваторов, политики и общественные деятели в странах, конкурирующих между собой за контроль над потоками природных ресурсов, капиталов и над умами нынешних поколений своих граждан и людей в других частях мира. В США, например, исторические воспоминания о рабстве и сегрегации далеких и не очень предков нынешних афроамериканцев стали в последний год очень популярным мотивом и мобилизационным ресурсом для многих гражданских конфликтов, активизировавшихся в американском гражданском обществе. Они перекинулись и на Европейский континент, на внутреннюю политику стран Евросоюза, властные и культурные элиты которых тоже стали припоминать участие своих предшественников в колониальных захватах и работорговле.

В чем причина такого необычайного увлечения властных элит и гражданских обществ манипуляциями с ресурсом своей и чужой исторической памяти при решении больших и малых политических проблем, распространившегося сегодня по всему цивилизованному миру? На чем основана уверенность большого числа участников политики на разных континентах и в разных странах, включая Россию, что успех демократической политики сегодня определяется мерой ее превращения в «политику памяти»?

Причина в распространении в обществах и властных элитах по всему цивилизованному миру разочарования в руководящих и направляющих возможностях политических идеологий, особенно так называемых классических. В нашей стране за минувшие постсоветские десятилетия, как отмечают исследователи, сильно пошатнулась уверенность граждан в том, что идеологии могут быть для них надежным ориентиром в политическом выборе⁷. В ответ на это у абсолютного большинства постсоветских российских политических партий пропал интерес к идеологическому творчеству и активной агитационно-пропагандистской работе с гражданами даже в период электоральных кампаний. Сегодня в России политические партии – это в массе своей идеологически плохо опознаваемые субъекты политики. Исследователи отмечают устойчивый прирост в нашей стране числа граждан, отношение которых к идеологиям можно обозначить понятиями «эклектичность» и «неопределенность»⁸. В остальном мире тоже сегодня не видно роста популярности политических идеологий⁹. Скорее, наоборот, наблюдается падение их популярности.

Интересом обществ и властных элит к идеологиям, гражданским и межгосударственным конфликтам на их почве в минувшие два столетия руководила надежда, что победа «правильного проекта» гарантированно обеспечит его сторонникам и последователям достойное и комфортное настоящее, а также будущее, превосходящее самые смелые ожидания, что тем самым победители в войне идеологий облагодетельствуют и остальное человечество, покажут ему верную дорогу к счастью. Промежуточные результаты (успехи отдельных стран в создании либеральной демократии, правового государства и цивилизованного рынка, а также в создании советской демократии, «государства трудящихся» и плановой экономики) некоторое время выглядели обнадеживающе.

Итоговый же результат не оправдал ожиданий. И дело не только в том, что разошлись пути теории и практики коммунистического и социалистического строительства в большинстве стран, пытавшихся в разные годы XX столетия такое строительство осуществить. Эйфория от глобального торжества ценностей либеральной демократии (вплоть до провозглашения «конца истории»), возникшая было у интеллектуальных и политических элит Запада на фоне кризиса популярности коммунистических ценностей, тоже прошла довольно быстро. Этому в последние годы особенно поспособствовал миграционный кризис в Европе и США. Сегодня дополнительным источником сомнений в обоснованности претензий либерально-демократического проекта на мировое доминирование являются рискованные попытки силового осуществления

одними странами, богатыми и политически развитыми, демократического транзита других стран, часто бедных и погрязших, подобно Афганистану, Ираку и Украине, в гражданских конфликтах. Тем более что главные зачинщики подобных политических транзитов – либеральные и консервативные элиты богатых «западных» стран – никак не решат между собой, кого из них считать настоящим приверженцем «общечеловеческих ценностей», а кого лишь политическим симулянт¹⁰.

Главная неприятность видится в том, что двухвековая конкуренция в Старом и Новом свете разных идеологических проектов закончилась торжеством идеологической эклектики и потерей четкости понимания обществами и элитами демократической перспективы своего существования. Ценности, ранее бывшие непременным атрибутом левых (справедливость, равенство, социальная солидарность и т.д.) либеральных (права и свободы личности, гражданские достоинство и толерантность, ответственность власти перед обществом, правовое государство и т.д.), либо консервативных (традиция, порядок, иерархичность отношений и т.д.) политических доктрин, сегодня лишились своей конкретной идеологической «прописки». Они превратились в ценности «общечеловеческие», а потому, по определению, близкие и понятные любому «нормальному» человеку без дополнительного разъяснения со стороны политиков и ученых. Главным гражданским навыком сегодня является готовность гражданина интуитивно опознавать присутствие либо отсутствие этих ценностей в политике, а не способность их интерпретировать в соответствии с собственным представлением о будущем «своих» государства и общества. Долгая конкуренция идеологических проектов закончилась тем, что утрачен был смысл самой этой конкуренции. Утраченным оказалось понимание того, что идеологическая конкуренция предназначена для определения и уточнения целей развития социально-политических систем.

Вместе с тем политика, особенно демократическая, невозможна без понятных большинству ее участников цели и смысла. Она невозможна без распространения в обществе и элитах завышенных ожиданий того, что есть простые и эффективные пути, ведущие к этой цели, что движением по этим путям можно и нужно управлять. Она невозможна без мобилизующего воздействия, которое такие ожидания оказывают на сознание всех участников политического процесса. Завышенные ожидания, которые не оправдали политические идеологии, сознание участников политики сегодня все чаще переадресовывает исторической памяти обществ и элит.

Для современных элит и гражданских обществ их историческая память – это тоже своего

рода политический проект. Они также тестируют его на конкурентоспособность и на способность придать либерально-демократической политике какую-то внутреннюю и внешнюю конфликтность и динамичность. Особенно актуален этот проект там, где конкурируют две стратегии борьбы государств и обществ за доминирование в будущем мире – национально-государственная и транснациональная. И первые результаты такого тестирования вроде бы обнадеживают. Там, как на большей части постсоветского пространства, где либерально-демократическая политика осуществляется сегодня в формате «политики памяти», внутренних гражданских конфликтов и конфликтов с соседними государствами хоть отбавляй. Политический процесс в соседних с Россией постсоветских государствах протекает более-менее бурно. По крайней мере, видно, что в нем есть какой-то смысл и движение к каким-то целям, пусть и не всегда достаточно ясным для властных элит этих государств. Ясно одно, и это делает «политику памяти» востребованным инструментом имитации прогресса демократических ценностей, практик и институтов, что участники такой политики имеют практически неограниченный резерв информации о прошлом (могут его еще и усиленно пополнять собственными «историческими открытиями») и не ограниченную ничем, кроме собственных политических интересов, возможность манипулировать этой информацией во внутренней и внешней политике. «Политика памяти» в этом смысле выглядит удачно найденным выходом из кризиса идеологической идентичности современных гражданских обществ и их властных элит.

Такая, как сегодня, активная эксплуатация ресурса исторической памяти при всех ее плюсах чревата большими рисками для демократической политики. У многих государств и обществ на постсоветском пространстве, включая и Россию, пытающихся сегодня обеспечить прогресс своих политических институтов и практик посредством активизации «политики памяти», опыт демократического развития в целом невелик (не более века, а то и менее) и противоречив. Тем более невелик опыт постсоветского, либерально-демократического развития. Ресурс этого опыта совершенно недостаточен для того, чтобы придать исторической памяти той или иной постсоветской нации смысл главного атрибута «национального суверенитета» и «национальной гордости», превратить ее в фактор прогресса демократической политики. Его приходится восполнять (и во всех постсоветских государствах этот процесс идет очень активно) воспоминаниями о додемократическом, традиционном и чаще всего авторитарном опыте политического существования.

В России и других постсоветских государствах, например, сегодня в структуры истори-

ческой памяти социумов усилиями науки и политиков настойчиво интегрируются значимые эпизоды и знаковые фигуры политических лидеров из средневекового прошлого этих стран и их соседей. При сохранении такой тенденции в скором времени можно ожидать политическую актуализацию знаний о еще более древних временах. Вместе с воспоминаниями об этом далеком прошлом массовое сознание современных гражданских обществ осваивает недемократические ценности и атрибутирует их как самые что ни на есть «подлинные» ценности современной политики. Существует, таким образом, риск малозаметного для участников нынешней демократической политики отождествления неотожествимых ценностей: либеральных с консервативными, в первую очередь; и более того, риск, что эта ценностная эклектика будет расцелена участниками политики как свидетельство ее прогресса и выхода на какой-то новый «общенациональный» и даже «общечеловеческий» уровень.

То есть итогом затраты гражданскими обществами и элитами в нашей стране и других странах большого количества сил, времени и прочих ресурсов на активизацию «политики памяти» будет все тот же кризис смысла и целей их дальнейшего развития. Сегодня этот кризис породила эклектика ценностей, укорененных в идеологиях, завтра его источником может стать такая же эклектика ценностей, укорененных в исторической памяти.

Энтузиазм активистов «политики памяти» в разных постсоветских государствах стимулирует вера, что совместное воспоминание прошлого и переживание по поводу покушений извне на правду истории, особенно если они находят опору в национально-государственном законодательстве, будут содействовать сплочению нации значительно больше, чем этому прежде могли поспособствовать политические идеологии; что таким образом гражданские и элитарные конфликты в большинстве своем из внутреннего пространства национально-государственной политики переключаются преимущественно в пространство внешнее.

В этих расчетах не учтен еще один риск – риск того, что атрибуция сознанием гражданских обществ исторической памяти как ресурса и инструмента решения преимущественно внешнеполитических задач закономерно создаст новую проблему. Может случиться так (и первые симптомы этой тенденции уже можно наблюдать в Европе и США, а также в Исламском мире), что мотивации для нужд внутренней политики сознание граждан начнет искать не только за пределами политических идеологий, но и за пределами собственной исторической памяти. Той, которая посредством отсылок к многовековому опыту многочисленных религиозных реформаций и

войн, социальных революций и колониальных экспансий постоянно напоминает гражданам и элитам в современных государствах Запада и Востока: главное, что сплачивает нацию, – это общность политических целей людей, ее составляющих, а главное, что ее разрушает, – это расовые, религиозные и экономические претензии людей друг к другу. Мир демократической политики может столкнуться с еще более масштабным, чем сегодня, кризисом представленной о своем будущем, если в наиболее богатых и политически развитых странах граждане и элиты, разочарованные в идеологиях и к тому же переключившие свою историческую память на решение задач внешней политики, во внутренних делах государства и общества, в мотивациях своего внутривнутриполитического участия начнут придавать определяющее значение расовым, этническим, языковым, религиозным, региональным, корпоративным и прочим подобным же этнографическим и антропологическим различиям в интересах и стиле жизни людей. Для современной либерально-демократической политики во многих странах, а, возможно, и во всем мире, это вероятность наступления самых что ни на есть «темных веков»; риск возникновения ситуации, когда политическая субъектность индивидов и групп определяется их принадлежностью к «цивилизованным людям» и «варварам», «истинно верующим» и «еретикам», «шляхте» и «быдлу». Однозначно, это уже не будет либерально-демократическая и даже просто демократическая политика. Вопрос в том, останется ли в этом взаимодействии между людьми что-то от политики вообще?

Примечания

¹ См.: Рейнгольдене Р. Минск стимулирует выработку адреналина у высших чиновников Литвы. 24 мая 2021. URL: https://eadaily.com/ru/news/2021/05/24/minsk-stimuliruet-vyработку-adrenalina-u-vyshshih-chinovnikov-litvy?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 27.05.2021).

² Там же.

³ См.: Россия рассекретит документы о роли Польши в ВОВ. URL: https://iz.ru/1149918/2021-04-12/rossiia-rassekretit-dokumenty-o-rol-i-polshi-v-vov?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 01.06.2021).

⁴ См.: Англичане в 1945 году убили тысячи советских пленнх, рассказал историк. URL: https://ria.ru/20210503/anglichane-1730957339.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 31.05.2021).

⁵ Там же.

⁶ См.: Бордюгов Г. А. 2020 : война продолжается, Третья мировая, мемориальная // Историческая экспертиза. 2020. № 4 (25). С. 237–253. URL: https://istorex.ru/New_page_80 (дата обращения: 12.06.2021) ; Вилков А. А. Информационные сражения на полях исторической памяти о Второй мировой и Великой Отечественной войнах // Вестник Поволжского института управления. 2020. Т. 20, № 2. С. 19–26. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2020-2-19-26>

⁷ См.: Гилев Я. Ю. Характер идеологии в эпоху цивилизационного кризиса // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 9 (419). С. 24–27. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2018-10904> ; Каменская Г. В., Соловьев Э. Г., Смирнов А. Н. Политические идеологии в современном мире : кризис или очередной этап эволюции? // Власть. 2015. № 12. С. 101–108.

⁸ См.: Юдина Т. Н., Мазаев Ю. Н., Бабакаев С. В. Динамика политико-идеологических ориентаций населения России в постсоветский период // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Социология. 2020. Т. 20, № 3. С. 582–594. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-582-594> ; Селезнева А. В. Ценностные основания политических идеологий : политико-психологический анализ // Политическая наука. 2017. Спецвып. С. 365–384.

⁹ См.: Действительно ли современное общество испытывает кризис концепции будущего? URL: <https://zen.yandex.ru/media/lidprevuz/deistvitelno-li-sovremennoe-obshchestvo-ispytyvaet-krizis-konceptii-buduscego-5e497724c0bcaa46a9ebee1c> (дата обращения: 27.02.2021).

¹⁰ См.: До основания: как в Европе и США разрушают историю. URL: https://www.vesti.ru/doc.html?id=3273401&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения: 14.06.2020).

Поступила в редакцию 20.08.2021, после рецензирования 05.09.2021, принята к публикации 10.09.2021

Received 20.08.2021, revised 05.09.2021, accepted 10.09.2021